

Великий русский драматург

(К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ
А. Н. ОСТРОВСКОГО)

«История оставила название великих и гениальных только за теми писателями, которые умели писать для всего народа, и только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома; такие произведения со временем делаются понятными и ценными и для других народов, а, наконец, и для всего света».

Поистине пророческие слова автора этих строк — А. Н. Островского относятся прежде всего к нему самому, к его творчеству. Около пятидесяти пьес великого русского драматурга, которому выпала честь унаследовать и развить славные реалистические традиции Фонвизина и Грибоедова, Пушкина и Гоголя, знаменуют собою новый этап в создании драматургии критического реализма, в развитии и становлении русского национального театра. И какой же огромной, всеобъемлющей и плодотворной должна была быть деятельность А. Н. Островского, чтобы родились на свет замечательные, исполненные истинного уважения и законной гордости слова писателя И. А. Гончарова, обращенные к драматургу: «...Только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой русский, национальный театр. Он, по справедливости, должен называться: «Театр Островского»».

Островский создавал этот театр упорно и кропотливо. Вся жизнь великого драматурга озарена мечтой о русском национальном театре, в котором сам он видел «признак совершеннолетия нации».

На протяжении всей своей деятельности Островский боролся за реализм, самобытность, высокую идейность и художественность русского театра. Восставая против слепого подражания западным вкусам, решительно отвергая пагубное влияние современной ему безидейной западноевропейской буржуазной драмы, Островский в то же время высоко ценил зарубежную классику и знакомил русский народ с ее великими представителями. Из под пера драматурга родились переводы пьес Плавта и Теренция, Сервантеса и Шекспира,

Гольдони и Гоцци, Макиавелли и индийского драматурга Паричурамы.

В своих многочисленных статьях, записках и письмах Островский развивал идею создания демократического, подлинно народного театра. Решительно выступая против «сытой публики партера», далекой от истинного понимания искусства, Островский утверждал, что драма должна принадлежать народу.

Островский начал свою деятельность в середине XIX века, в период, когда классовые противоречия феодально-крепостнического строя России резко обострились.

Драматургии Островского суждено было стать зеркалом общественной жизни эпохи. Вместе с пьесами Островского — «пьесами жизни», как назвал их Добролюбов, — на сцену русского театра пришли многообразные, яркие и глубоко правдивые типы самых различных слоев, сословий и званий — богатые и бедные, своевольные и безответные. С потрясающей и беспощадной силой выносил драматург на суд

общественности «бессовестно-нечестные», «ненормальные», по выражению Добролюбова, общественные и человеческие отношения.

От первого крупного произведения Островского — «Свои люди — сочтемся», удостоенного царской резолюции: «Напрасно печатано, играть же запретить...», до его последних пьес и переводов лежит почти полувековой путь упорной борьбы, интересных и сложных исканий, последовательного утверждения на сцене суровой правды жизни. Обличение произвола и беззакония, горячая защита интересов народных масс, ненависть к крепостному праву и всем его порождениям, борьба за просвещение народа характеризуют драматургию Островского и определяют принадлежность писателя к замечательной когорте русских просветителей конца сороковых — шестидесятых годов.

Островский был тесно связан с революционными демократами, находился под непосредственным влиянием их эстетических воззрений. Связь эта была настолько прочной, что даже в период временного сближения со славянофильской группой «Москвитянина», возглавляемой А. Григорьевым, Островский не мог до конца изменить прочно утвердившимся в нем принципам. Идеализируя в угоду славянофилам патриархальный быт и нравы в комедиях «Не в свои сани не садись» и «Бедность не порок» (показательно, что пьеса «Не в свои сани не садись» была первой среди пьес Островского, дозволенной царской цензурой), драматург пытается остаться верным самому себе, жизненной правде: он утверждает нравственное, возвышенное начало купца Русакова («Не в свои сани не садись») не в его «купеческих» делах, а в его отцовской нежности, родительской ласке. И как бы ни был фальшив и сентиментален финал пьесы «Бедность не порок», он не мог затушевать объективного звучания монолога Любима Торцова разоблачающего язвы крепостнической России.

Представители реакционного лагеря критиков не раз пытались затушевать, извратить, сгладить обличительный пафос драматургии Островского, свести смысл его пьес к разоблачению в них лишь невежества и некультурности, представить Островского «поклонником благодушной русской старины».

Необходимо было бороться за Островского, разъяснять народу истинный смысл, подлинное значение его драматургии. Эту почетную миссию перед русским народом выполнили Добролюбов, Чернышевский, Некрасов. В своих пламенных статьях они отстаивали реалистические, демократические принципы драматургии Островского, защищали его от влияния славянофилов, от их реакционной проповеди теории «народности». Революционные демократы верили, что Островский «оставит ту теньскую тропу, которая привела его к комедии «Бедность не порок» (Чернышевский). Некрасов писал в эти годы: «Нам остается желать, чтобы Островский шел вперед своей дорогой, не стесняя и не задерживая самого себя, и он сам быть может удивится, что произведут его силы, когда он даст им полный простор и свободу».

Влияние революционно-демократического лагеря критиков, подъем освободительного движения и назревание революционной ситуации 1859—60 гг. находят свое блестящее отражение в пьесах «Воспитанница», «Доходное место» и, в особенности, в пьесе «Гроза» — вершине дореформенной драматургии Островского.

Во второй, пореформенный, период своего творчества Островский создает произведения, в которых пафос обличения новых яв действительности звучит со всей беспощадностью. Островский-реалист видит упадок и моральное разложение дворянства, он понимает, что «темное царство» крепостнической России не исчезает и, напротив, в нем еще больше сгущаются тени, и лишь на смену старым самодурам приходят новые «волки» — хищники с их жадной обогащения, идеей наживы, философией «бешеных денег». В пьесах «Лес», «Бешеные деньги», «Волки и овцы», «Последняя жертва», «Бесприданница»,

«Таланты и поклонники», «На всякого мудреца довольно простоты» и многих других Островский воссоздает картину действительности, в которой господствует власть денег и попирается самое святое в человеке — его честь.

Островский-обличитель выступает рука об руку с Островским-гуманистом. Вся деятельность драматурга овеяна верой в человека, любовью к человеку. Вступая в непримиримую вражду с Диким и Кабанихой, Хлыновым и Градобоевым, Тит Титычем и Кнуровым, Островский в то же время видит в русском человеке бездну душевного благородства, нравственного величия, прекрасной мужественности. И чем сильнее, откровеннее и резче звучит обвинение драматурга обитателям «темного царства» и «мерзавцам своей жизни», тем благороднее и возвышеннее представляется нам горячее сердце Параша, бескорыстие и честность Ларисы, самоотверженность Юлии Тугиной, искренность стремлений Жадова, Мелузова, Иванова, Негинной, Платона Зыбкина, тем ярче загорается луч света в темном царстве — самоотверженный, решительный, цельный русский характер Катерины. Островский глубоко верит в неисчерпаемые возможности своего народа. Этой верой проникнуты не только пьесы из современной жизни. Воссоздавая ли историческое прошлое русского народа («Козьма Захарыч Минин-Сухорук», «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», «Воевода») или рассказывая трагическую историю сказочной Снегурочки, Островский остается тем же непримиримым и убежденным борцом за счастье своего народа, безжалостным обличителем социальной несправедливости, произвола, жестокости.

Драматургия Островского сыграла огромную роль в становлении и развитии школы актерского мастерства. С репертуаром Островского тесно связаны имена А. Мартынова и М. Ермоловой, П. и О. Садловских, А. Ленского и Г. Федотовой, В. Давыдова и К. Варламова, И. Москвина и М. Тарханова, А. Тарасовой и К. Еланской и многих, многих других актеров.

Пьесы Островского прочно вошли в репертуар советского театра. Знакомству

широких масс народа с творчеством великого драматурга способствует и экранизация многих его произведений.

Огромную роль сыграли пьесы Островского в истории грузинского театра. В них получили возможность проявить свои богатые творческие возможности выдающиеся грузинские актеры М. Сапарова-Абашидзе, Нато Габуния, Васо Абашидзе, Лало Месхишвили, Е. Черкезишвили, Ш. Гамбашидзе, Островский вошел в репертуар Нуцы Чхеидзе, Н. Давиташвили, В. Анджапаридзе, Т. Чавчавадзе, Н. Лапачи, Н. Месхишвили, М. Джапаридзе, А. Хоравы, А. Васадзе, Э. Анхидзе, Д. Мжавия, В. Годзиашвили, П. Кобахидзе и многих других.

Большим событием для грузинского театра и для всей культурной жизни страны явился приезд Островского в Грузию в 1883 году. Театральная общественность Грузии оказала великому русскому драматургу восторженный прием. Выдающийся грузинский артист Васо Абашидзе от имени грузинской театральной общественности горячо приветствовал Островского и передал ему адрес. Островский с большим интересом ознакомился с грузинским национальным театром, просмотрел ряд постановок пьес грузинских драматургов. Игра грузинских актеров вызвала высокую оценку великого русского драматурга. Особенно радостно было слышать грузинским артистам положительный отзыв Островского об их игре в пьесе «Доходное место».

«Пока Вы живы, моя Полина не умрет», — сказал Островский М. Сапаровой-Абашидзе, исполнившей роль Полины в «Доходном месте».

Драматургия Островского пользуется любовью и популярностью не только в Советском Союзе. Пьесы русского драматурга переведены на китайский, чешский, болгарский, югославский, польский, французский, английский, немецкий и другие языки. Островский приобрел поистине мировую известность. Как никогда велико его мировое значение. Имя великого русского драматурга стало близким народам всего мира.

Этери ГУГУШВИЛИ.